

АДЫГЕЙЦЕВ

ний. Во всем спектакле нет мелодраматических срывов и банальных красот.

Удивительно естественно вжились в свои роли актеры. Трудно даже наметить грани, где они идут от индийского национального субстрата, а где намечается что-то свое, адыгейское. Видимо, прав К. С. Станиславский, утверждавший, что творческий процесс един для всех наций. Даже в песнях удачно сохранен индийский мелос, его народный дух, тональность. А поют актрисы (особенно Мариета Хурум и Сара Хакуз) подкупающе мягко и свободно.

Основное содержание и романа, и его сценического варианта сводится к крушению средневековых кастовых устоев в быту. Главный узел драмы разворачивается на сопоставлении характеров двух девушек: Комолы, вышедшей из народной среды, и Хемнолини — дочери состоятельных родителей. Комола — простая, но волевая и сильная девушка. Дитя природы, она олицетворяет собою дочь Ганга. Хемнолини — изнеженная, порою порывистая девушка, интеллигентно-ари-

стократического склада. Ее любовь мятежна, страдательна, но не прочна.

Эти две главные роли талантливо исполняют молодые актрисы Мариета Хурум и Сара Хакуз. Они создают убедительные, ярко контрастные образы. Заслуживают серьезной похвалы и исполнители других ролей: Ромеша (Чапай Муратов), Оппода (Сулейман Хакуз), его сына Джогедро (Юсуф Хуг), Окхой (Юра Чеч), а также Нолинакха (Аскер Курашинов) и чудесная пара Нобинкали (Унай Цей) и ее бессловесный муж (Маджид Шовгенов).

В спектакле немало творческих удач и находок. Мизансцены сделаны четко и скульптурно выразительно. Поражают интересно найденные детали.

«Дочь Ганга» — такой спектакль, над которым можно работать и дальше, постепенно совершенствуя что-то, находя что-то новое, углубляя и расширяя отдельные сцены и мотивы. В этом плане хотелось бы обратить внимание и режиссера, и исполнителей ролей Хемнолини и Нолинакха на следующее обстоятельство. Кульминацией спектакля, как кажется нам, должна послужить сце-

на, когда Хемнолини говорит: «Нет, я не могу так любить!».

Желательно видеть эту сцену в более четкой организации, в которой рстерянность Хемнолини, крушение ее души, чувств, взглядов на жизнь подчеркивались бы с особой сценической силой и выразительностью, может быть, без истерики, но на трагическом накале. А исполнителю роли Нолинакха хочется посоветовать быть проще, более земным, непосредственным, обходиться без поз, риторики, дидактических акклиний. В нем воплощаются новые идеи автора, он — надежда пробуждающейся Индии. Он интеллигентен, мягок. В его натуре должно быть больше простоты и душевности.

А в общем, повторяю, «Дочь Ганга» — большая творческая победа наших адыгейских соотечественников.

Адыгейцы, к сожалению, привезли нам только одну оригинальную, свою пьесу — «У меня две мамы» Аслана Хачака, одного из ведущих артистов театра. Также, как и у нас, в Кабардино-Балкарии, адыгейская драматургия отстает от общих темпов развития литературы и театрального искусства в целом.

Наши актеры сильнее наших драматургов. Актеры требуют пьес большого социального звучания, больших мыслей и страстей, пьес, охватывающих широкие проблемы и глубокие чувства.

Естественно, что судить о степени возмужалости всей адыгейской драматургии, имея под рукой только одну пьесу, невозможно. Однако произведение Аслана Хачака дает общее представление о состоянии адыгейской драматургии. И надо прямо сказать, оно не из блистательных.

«У меня две мамы» (по некоторым вариантам «Заурхан и Зауркан») не имеет даже точного жанрового определения: пьесой в 3-х действиях называется эта постановка.

Сюжет пьесы не сложен и неоднократно разрабатывался в драматургии. В годы войны эвакуируются дети из Ленинграда и Одессы. После долгих перипетий они оказываются в Адыгее. Старик Адышес и его жена Гошмах усыновляют девочку и мальчика, потерявших на войне родителей. Им присваивают адыгейские имена Заурхан и Зауркан, что приблизительно означает «Из войны воспитанные».

Проходят годы. Заурхан и Зауркан не чужды своим новым родителям. Они уверены, что родились в адыгском ауле. Но вот (как это всегда бывает) появляется настоящая мать Заурхана — Валентина Архиповна.

После нескольких неглубоких драматических сцен пьеса торжественно заканчивается общим благополучием всех действующих лиц. Заурхан приобретает двух матерей, а Валентина Архиповна влюбляется в двоюродного брата Асфера —

Махмуда и остается в колхозе работать агрономом.

В постановочном отношении (режиссер — заслуженный деятель искусств РСФСР Маджид Ахеджаков) в спектакле все грамотно и ровно, однако нет никаких режиссерских находок, захватывающих экспозиций. Из актерской среды можно выделить самого автора пьесы, исполнителя роли Адышеса, Унай Цей — талантливо и не без юмора интерпретирующую роль Гошмах, а также Махмуда — Юсуфа Хуга. Остальные роли сделаны инертно, без огня.

Этот спектакль (заметьте, и пьеса) требует углубления сквозной темы, поиска дополнительных красок.

В начале статьи мы поставили вопрос — какое же генеральное направление адыгейского драматического театра? Нам думается, что он имеет все возможности стать театром героического репертуара. Адыгейцам вполне под силу широкие эпические произведения, а также самые сложные вещи мировой, русской и советской классики. Надо пробовать себя на сложном материале, ибо только сложное и трудное рождает настоящее искусство.

Будем надеяться, что следующая встреча произойдет с братьями-адыгейцами именно в этом плане.

А. ШОРТАНОВ,
кандидат искусствоведения.